

Труды Отдела древне-русской литературы

Том 9

Т11 Труды Отдела древне-русской литературы: Том 9 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 481 с.

ISBN 978-5-458-62831-0

Содержание: Слово о полку Игореве. — С. 7—50; Щепкина М. В. Замечания о палеографических особенностях рукописи «Слова о полку Игореве»: (К вопросу об исправлении текста памятника). — С. 7—29; Дмитриев Л. А. Глагол «каяти» и река Каяла в «Слове о полку Игореве». — С. 30—38; Прийма Ф. Я. Наблюдения А. Н. Оленина над «Словом о полку Игореве». — С. 39—48; Общие проблемы изучения древнерусской литературы. — С. 51—118; Тихомиров М. Н. Городская письменность в древней Руси XI—XIII веков. — С. 51—66; Адрианова-Перетц В. П. Исторические повести XVII века и устное народное творчество. — С. 67—96; Дмитриев Ю. Н. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности древней Руси. — С. 97—116; Публицистика времени образования и укрепления Русского централизованного государства. — С. 119—290; Скрипиль М. О. Сказание о Вавилоне граде. — С. 119—144; Зубов В. П. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб: (К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского»). — С. 145—158; Зимин А. А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — С. 159—177; Розов Н. Н. Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV века. — С. 178—219; Кимеева Е. Н. «Послание митрополиту Даниилу» Федора Карпова. — С. 220—234; Лапшина Р. Г. Феодосии Косой — идеолог крестьянства XVI века. — С. 235—250; Колесникова Т. А. Общественно-политические взгляды Ермолая-Еразма. — С. 251—265; Моисеева Г. Н. Автор «Казанской истории». — С. 266—288; Древнерусская литература и литература народов СССР. — С. 291—338; Еремин И. П. К истории русско-украинских литературных связей в XVII веке. — С. 291—296; Шепелева Л. С. Культурные связи Грузии с Россией в X—XVII веках. — С. 297—322; Григорьян К. Н. Из истории русско-армянских культурных связей X—XVII веков. — С. 323—336; Материалы и сообщения. — С. 339—478; Кузьмина В. Д. Новый список «Девгениева деяния». — С. 339—360; Пушкарев Л. Н. Новый список «Сказания о киевских богатырях». — С. 361—370; Шептаев Л. С. «Послание дворительное недругу»: (Посадская сатира XVII века). — С. 371—379; Кудрявцев И. М. Две лирические песни, записанные в XVII веке. — С. 380—386; Малышев В. И. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме. — С. 387—404; Бакланова Н. А. Вирши-панегирик петровского времени. — С. 405—407; Берков П. Н., Малышев В. И. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века: («Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии»). — С. 408—426; Гранстрем Е. Э. К вопросу о происхождении глаголической азбуки. — С. 427—442; Бакланова Н. А. К вопросу о датировке «Повести о Савве Грудцыне». — С. 443—459; Богатов И. П. Древнерусские рукописи и старопечатные книги Муромского краеведческого музея Владимирской области. — С. 460—466; Жинкин Н. П. Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского Государственного университета им. А. М. Горького. — С. 467—475; Карская Т. С. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина на чешском языке. — С. 476—478; Содержание. — С. 479—480;

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

М. В. ЩЕПКИНА

Замечания о палеографических особенностях рукописи „Слова о полку Игореве“

(К вопросу об исправлении текста памятника)

Прежде чем пытаться восстановить то или иное место текста в „Слове о полку Игореве“, надо представить себе самую рукопись повмы. Сведений о ней дошло немного, и все они очень общего характера. Нам придется вкратце вспомнить все, что было сказано о ней людьми, ее видевшими. •

Начнем с высказываний ее владельца гр. А. И. Мусина-Пушкина: „Песнь Игорева писана на лощеной бумаге в конце летописи довольно чистым письмом. По почерку письма и по бумаге должно отнести оную переписку к концу XIV или началу XV века“. Песнь „в подлиннике хотя довольно ясным характером была писана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления; прежде всего должно было разделить ее на периоды и потом добираться до смысла“. По указанию одного из издателей рукописи, А. Ф. Малиновского, она была писана полууставом, переходящим в скоропись.¹

В предисловии к первому изданию „Слова“ сказано, что долголетний сотрудник Публичной библиотеки, работавший над изданием русских летописей, А. И. Ермолаев, видевший рукопись „Слова“, считал, что она написана полууставом XV века. По мнению Н. М. Карамзина, рукопись писана „разве в конце XV столетия“. Первый издатель „Слова“ С. Н. Селивановский заявлял, что оно написано „белорусским письмом не так древним похожим на почерк Дмитрия Ростовского“.

Все это высказано уже после гибели рукописи, по памяти.

Из ученых, не издавших рукопись, Ф. И. Буслаев относил ее к XV—XVI веку, Н. С. Тихонравов — к XVI веку.

Итак, это был сборник, заключавший летопись и ряд древнерусских повестей, на лощеной бумаге листового размера, писанный полууставом, без разделения на слова, с выносными буквами (что обычно в полууставе).

В дальнейшем изучение текста велось по первому изданию 1800 года, Мусина-Пушкина, и по копии XVIII века, так называемой Архивской,

¹ К. Ф. Калайдович. Биографические сведения о жизни гр. А. И. Мусина-Пушкина. Записки и труды Общества истории и древностей российских, ч. II, 1824, стр. 35—41.

которая была изготовлена для Екатерины II. На основании разногласий, а также очевидных ошибок обоих переписчиков мусин-пушкинского и Архивского списков И. И. Козловским высказано было предположение, что начертания букв *a* и *o* местами мало отличались друг от друга, что позволяло их путать; что буква *ю* имела, повидимому, особое начертание: перекидаина ее шла прямо от верхушки мачты и переходила в кружок *o*, а это давало возможность прочитать такое *ю* как слог *го*; такое прочтение вообще возможно, если перекидаина буквы *ю* поставлена высоко. На основании разночтений двух списков „Слова о полку Игореве“ Тихонравов полагал, что в рукописи наблюдалось сходство в написаниях букв *ъ*, *ь* и *ѣ*. Установлено, что в рукописи встречалось так называемое „очное“ *o*, т. е. двойное *o*, в слове „очима“. Имелась также лигатура *tr*, в одном случае прочитанная издателями как буква *э*. Памятнику свойственны были случаи галлографии, т. е. пропуск одного из двух рядом стоявших одинаковых написаний. Полагают, что так получилось чтение „стрежаше е гоголемь“, вместо первоначального „стрежаше его гоголемь“.¹

Вот в основном все данные, которые по памяти указаны очевидцами рукописи или предположительно высказаны учеными, не выдавшими ее. Из показаний очевидцев, конечно, надо отбросить предположение Мусина-Пушкина и Малиновского о том, что рукопись восходит к концу XIV или началу XV века, тем более, что позднее Малиновский высказывается за XVI век. Русские рукописи конца XIV века на бумаге еще редки, притом и орфография мусин-пушкинского сборника свидетельствует о более позднем времени.

Всего важнее для нас определение Ермолаева и Карамзина как специалистов, относивших рукопись к XV веку. Разберем более или менее точно установленные палеографические приметы памятника.

Лощеная бумага употребляется как в XV, так и в первой половине XVI века, но не в XVII и не в XVIII веках.²

Полуустав, переходящий в скоропись, характерен для деловых рукописей XV и XVI веков. Недостаточно четкое начертание букв *a* и *o* говорит о спешности почерка, а может быть и о том, что полуустав рукописи был некрупный. В подобном почерке возможны также ошибки в чтении букв *ъ* и *ѣ*, после того как в XV веке утвердилось новое, менее четкое начертание буквы *ѣ* с невысокой мачтой и со спущенным левым крылом коромысла. Однако эти два знака даже в скорописи XVI века нельзя смешать со знаком *ь*. Наличие лигатуры *tr* и двойное *o* характерны для русских рукописей, начиная со второй четверти XV века и до середины XVI века; они были временным явлением, занесенным балканскими славянами в конце XIV—начале XV века.³

Орфография, наряду с остатками древнего правописания оригинала, свидетельствует также о юго-славянском архаизирующем письме (ср. постановку *ъ* и *ь* после плавных: „влькомь“, „пльки“, „брьзый“ и т. п.). Подобное правописание также говорит о XV—первой половине XVI века.

¹ Подробный анализ см. в статье И. И. Козловского „Палеографические особенности погибшей рукописи Слова о полку Игореве“ (Древности, Труды Московского археологического общества, т. XIII, вып. 2, М., 1890).

² В молдавских, сербских и болгарских рукописях и позднее, вплоть до XVIII века.

³ Эти вычурные написания еще живут в каллиграфических почерках рукописей Грозного, а у писцов Чудова монастыря, например, задерживаются до конца XVI века.

Странно на первый взгляд заявление Селивановского, что рукопись писана „белорусским письмом... похожим на почерк Дмитрия Ростовского“. Из этих слов не вполне ясно, с чем он сравнивает — с автографом Дмитрия Ростовского? Но его рука, несмотря на южнорусские

*рука: 35. v: шито: Пало падоша вш дзлатуца:
всзаконне и зримо вшн збша и немогъ спати.*

*рука: 36: зце мало, и не вхдѣ збѣника, и
в зрешн мбста его, и не вращени.*

*вз жена лотва обратила лице свое
к содома зне ставте соны".*

Почерк Дмитрия Ростовского. Рукопись конца XVII века.

Государственный Исторический музей, из собрания Соколова № 81, лист 62

особенности, ближе к письму нашего времени, чем к письму XIV—XVI веков. Или с почерком рукописей Дмитрия Ростовского? Но основная часть их писана не им самим, а переписана начисто писцами.¹ Их

¹ Автографов Дмитрия Ростовского сохранилось немного, если не считать приписок и исправлений. Черновики его сочинений положены, согласно его завещанию, с ним в гроб. Дошедшие до нас рукописи его трудов писаны рукою писцов; имя одного из них известно — певчий Савва Яковлев. См.: И. А. Шляпкин. Св. Дмитрий Ростовский. СПб., 1891, стр. IX и 456.

почерки определенно носят юго-западный характер; об этом говорит не только их внешний вид, но и особое начертание отдельных букв, как, например, *б*, *в*, *ж* и др. В таком случае можно было ожидать, что Мусин-Пушкин и Малиновский отметят подобные начертания, ибо они должны были затруднять чтение; а главное надо полагать, что ни Ермолаев, ни Карамзин не пропустили бы этого обстоятельства. Возможно, заявление Селивановского надо рассматривать как беглое и неверно осмысленное впечатление человека без специальных знаний. Но несомненно, в рукописи должны были иметься какие-то особенности, которые вызвали у Селивановского это ложное представление. Всего вероятнее предположить, что наравне с орфографией рукописи и графика ее носила особые черты, заимствованные в конце XIV—начале XV века из болгарских и сербских рукописей и в большинстве слынувшие позднее, к середине XVI века. Мы указали уже некоторые из них: красивую лигатуру *тр*, благодаря которой слово „Трояни“ было прочитано в первом издании как „Зояни“, „очное“ *о* в слове „очима“.

Но кроме отдельных характерных начертаний, мы находим в русских рукописях XV века особые полууставные почерки — типа четкой, иногда круглящейся скорописи с лигатурами и вычурами. Возможно, что подобное письмо, говорившее Ермолаеву и Карамзину лишь о XV веке, Селивановскому показалось белорусским письмом конца XVII века.

Итак, уже на основании вышеприведенного можно возводить мусин-пушкинскую рукопись к концу XV—началу XVI века.¹ Во всяком случае можно думать, что рукопись, ввиду своего состава (летопись и повести), была написана деловым, а потому беглым, или спешным, полууставом, некрупным, с достаточным количеством сокращений и выносных букв.² Можно предполагать также, что к XVIII веку она успела несколько обветшать, т. е. ряд начертаний, особенно выносные буквы (написанные более мелко), успел если не стереться, то побледнеть, а потому мог быть пропущен при списывании. Имелись, конечно, и в самой рукописи ошибки и утраты, накопившиеся с XII по XV век.

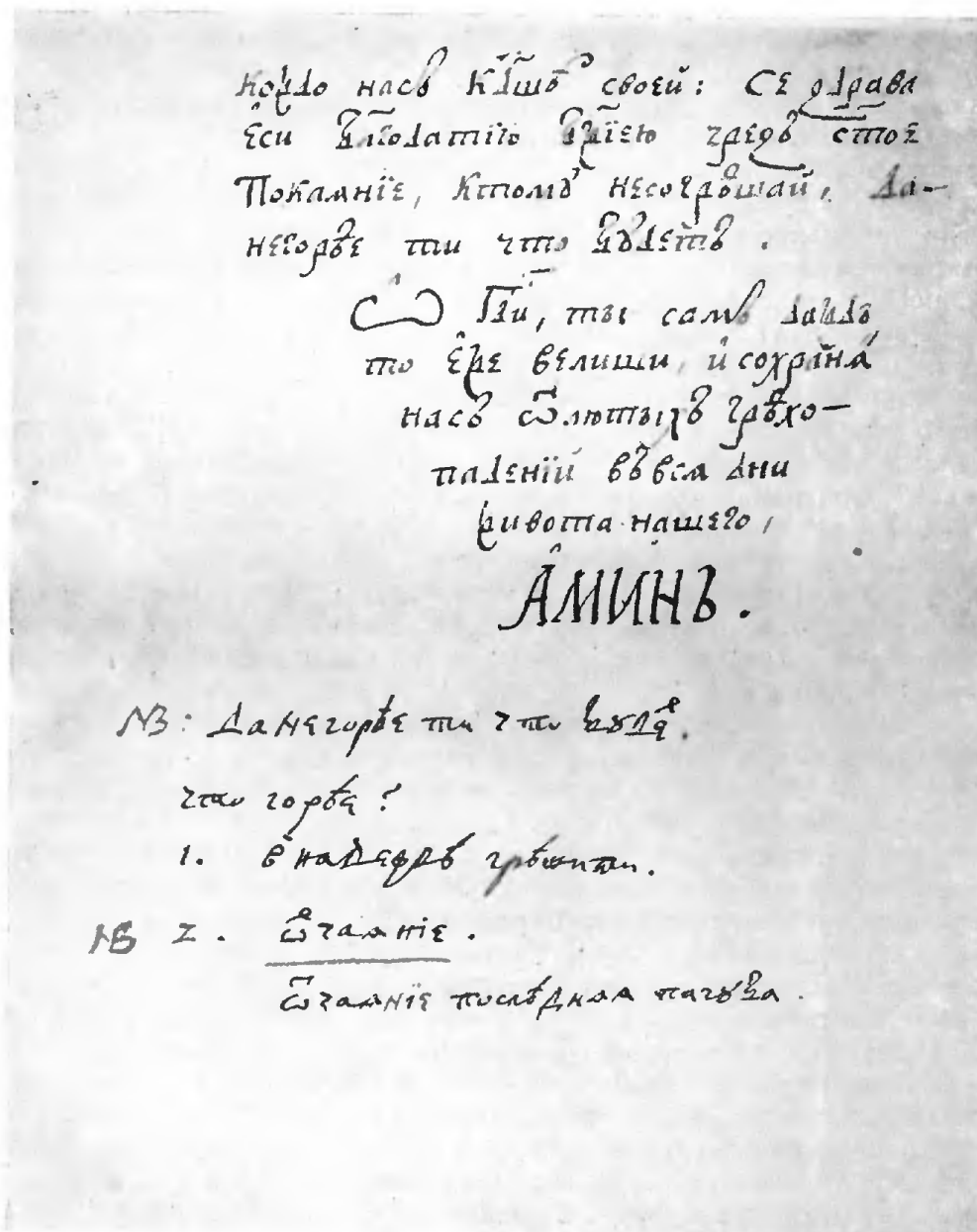
Для первых издателей поэмы основные затруднения заключались в разделении слитно написанного текста на отдельные слова и в раскрытии сокращений, принятых в древнерусской письменности. Такое сокращение или отмечается над строкой титлом, или имеет, кроме того, под титлом одну из пропущенных согласных.

В XV веке определенные буквы уже могут выноситься без титла. В XVI веке к ним присоединяется ряд новых букв. Короткие слова религиозного значения, постоянно встречающиеся и потому всем понятные, продолжают писаться под титлом, без выносных букв. Когда в рукописях XV—XVI веков еще сохраняется титло над выносной буквой, то оно уже не вырисовывается как ранее, а часто имеет вид очень легкой дужки или просто наклонной черточки. Выносные буквы, как правило, более мелкого размера, чем строчные; а выносная буква с принимает вид точки, стоящей под легкой „бровкой“ (дугой титла).

¹ „Пятнадцатый век не может быть отличен от первой половины 16-го по количеству югославянских графических особенностей. Общим эпохам свойственны... декоративные лигатуры и прочие вычуры“ (В. Н. Щепкина. Учебник палеографии. М., 1920, стр. 121—122).

² В первом издании всюду проставлен конечный *ѣ*, тогда как он отсутствовал в рукописи в тех случаях, где конечная согласная была выносной.

Как известно, в тех случаях, когда конечная гласная одного слова стоит рядом с начальной гласной другого, и вообще при наличии двух рядом стоящих гласных, каждая из них отмечается надстрочным значком (на второй гласной иногда ставятся два значка). Значки эти имеют

Почерк писца Дмитрия Ростовского и собственноручная приписка Дмитрия Ростовского. Рукопись конца XVII века.

Государственный Исторический музей, из собрания Соколова № 81, лист 61 об.

вид легких наклонных черточек, вроде запятой.¹ При наличии таких надстрочных значков стоящее рядом выносное с под титлом легко может быть принято за подобный значок, особенно если точка, обозначающая с, с течением времени выцветет или сотрется. Таким путем в дальнейшем могут возникать невразумительные написания. Ср. пред-

¹ Е. Карский. Палеография. М.—Л., 1926, стр. 228.

полагаемое „и[с]ходы“, где начальная гласная и стояла, может быть, рядом с конечной гласной предшествующего слова „Боя[н]“ и, кроме того, имелось выносное с под титлом. Мы знаем, что одно и то же слово обычно сокращается одним и тем же способом. Это постоянство приемов облегчает узнавание слова. Мы уже упоминали о словах, в которых сокращения обозначаются одним титлом; в других под титлом имеется выносная (согласная), чтобы облегчить чтение. Ср.: сп[с]ние = спасение, ср[д]це = сердце, кр[с]ть = крест, ч[с]ть = честь. Поэтому чтение первого издания (стр. 34) „поклониша“ вместо предполагаемого „по[д]клониша“ можно объяснить или старой утратой выносного д, или пропуском его при копировании в XVIII веке. Применяются и другие приемы: сокращается конец слова, при этом выносится под титлом или без него конечная согласная. Например: ре[ч] = рече, ко[ц] = конец, не[д] = неделя, су[б] = суббота, ве[ч] = вечер, я[к] = яко, е[с] = есть, бы[с] = бысть.¹ Ср. „пяк“ Архивской копии и „пя[т]къ“ первого издания. Согласно обычному написанию, в рукописи должно было стоять „пя[т]к“ с выносным „т“. Как полагает И. И. Козловский, так было сокращено в рукописи слово „пѣснь“ — „пѣ[с]“, раскрытое издателями как „пѣсь“. Надо думать, „Плѣсньск“ первого издания и „Плѣньск“ Архивской копии, повидимому, передают написание рукописи „Плѣ[с]ньск“ с выносным с.

Конечные выносы могли применяться в любом слове: понизи[т], вонзи[т]; у Ри[м] = у Рима, или у Римове(?). Сперва такие сокращения допускались обычно в конце строки; с течением времени, когда количество выносов возросло, подобные написания стали применяться и в середине строки.²

Надо также иметь в виду, что в одном слове могут быть отмечены и два сокращения; такой прием применен в следующих словах поэмы: 1) „пѣ[с]твори[ц]“, которое в первом издании раскрыто неполностью как „пѣстворца“ вместо „пѣснотворца“, и 2) „Стѣслав[л]“, раскрытое как „Святѣславля“. Падежное окончание слова устанавливается здесь в зависимости от контекста. Первое слово можно понять и как „пѣснотворец“ и как „пѣснотворца“, второе — как „Святославль“ и как „Святославля“, „Святославлю“ и т. д. Следовательно, здесь неверное раскрытие сокращения могло повлечь за собой ошибочное понимание текста. Кроме того, надо иметь в виду, что писец строку рассматривал как нечто целое и при сокращении не считался с отдельными словами. Поэтому при стечении двух или трех согласных он выносил одну из них независимо от того, где она приходилась — в конце, в середине или в начале слова. В силу этого возможны были сокращения такого типа: „Новгоро[д]цы и [п]сковичи“.³ Может быть, подобное сокращение имелось в словах поэмы: „струи [п]ростре на кусту“. Выносная буква л могла или утратиться, или просто быть пропущена при списывании.⁴ И, наконец, имеются сокращения особого типа, когда слово заменяется одной, но „равнозначней“ буквой. Они, правда, редки как в уставе, так и в полууставе и допускались лишь для немногих слов. Один случай довольно известен — это замена слова „земля“ буквой з, которая поставлена

¹ „Так сокращались часто встречающиеся «обиходные» слова бытового и служебного характера“ (В. Н. Щепкина. Учебник палеографии, стр. 123).

² И. И. Козловский указал, что ряд разночтений Архивского и мусин-пушкинского списков объясняется тем, что они по-разному раскрывают конечные выносы.

³ Увар., № 1366, л. 54; рукопись первой половины XVI века.

⁴ Лигатура *ы+л+r*, которую предлагает здесь И. И. Козловский, слишком необычна.

прѣдешникомъ . прѣхъжѣахъ сѣне
 злобѣи сѣрца моего, по сѣрѣдѣ домѣ мое
 не прѣтѣла гѣа прѣтѣтѣи ма мон ма сѣшѣ
 закон прѣтѣтѣи . тѣвораща прѣтѣ
 стѣтѣтѣи сѣвѣна вѣнѣтѣ . не прѣтѣ
 тѣи мѣ сѣрѣтѣтѣи . бѣтѣтѣтѣи
 гѣтѣтѣтѣи мѣтѣтѣтѣи , не по тѣтѣтѣи .
 о клеветѣтѣтѣи гѣтѣтѣи . не сѣтѣтѣтѣи
 сѣтѣтѣтѣи гѣтѣтѣи . гѣтѣтѣтѣи
 не сѣтѣтѣтѣи сѣтѣтѣтѣи . сѣтѣтѣтѣи
 о тѣтѣтѣтѣи вѣтѣтѣтѣи . по сѣтѣтѣтѣи
 тѣтѣтѣтѣи сѣтѣтѣтѣи . хѣтѣтѣтѣи
 рѣтѣтѣтѣи сѣтѣтѣтѣи сѣтѣтѣтѣи . не жѣтѣтѣи
 сѣтѣтѣтѣи сѣтѣтѣтѣи домѣ мое гѣтѣтѣи
 нѣтѣтѣтѣи . гѣтѣтѣтѣи прѣтѣтѣи , не прѣтѣтѣи
 сѣтѣтѣтѣи прѣтѣтѣи . сѣтѣтѣтѣи
 прѣтѣтѣи рѣтѣтѣи сѣтѣтѣтѣи .
 по прѣтѣтѣи гѣтѣтѣи сѣтѣтѣтѣи
 сѣтѣтѣтѣи бѣтѣтѣтѣи : — сѣтѣтѣтѣи
 гѣтѣтѣи егда бѣтѣтѣи прѣтѣтѣи
 прѣтѣтѣи моле бѣтѣтѣи . и сѣтѣтѣи
 гѣтѣтѣи слыши ма тѣтѣи мо . и сѣтѣтѣи

Образец одного из почерков XV века с вычурными начертаниями отдельных букв. Рукопись XV века.

